

И

мя гениального русского поэта Алексея Прасолова известно далеко за пределами Воронежа и России. Без его творчества «немыслимо во всей полноте увидеть и понять образ поэзии двадцатого века» (В.М. Акаткин). Современники: поэты, критики, литературоведы, журналисты — уже сказали свое слово о его литературном наследии.

Интерес к поэзии Алексея Прасолова, его личности сопровождает всю мою педагогическую деятельность. Начну с того, что мой муж Алексей Егорович Тишанинов работал вместе с поэтом в редакции Хохольской районной газеты, полтора года жил с ним на одной квартире и много мне о нем рассказывал. В школе мы с учащимися проводили поэтические вечера, посвященные творчеству поэта, анализировали его стихотворения. На некоторые встречи приглашали вдову А.Т. Прасолова Раису Васильевну Андрееву-Прасолову. Меня покорила удивительная скромность, благородство этой замечательной женщины, ее начитанность, образность речи и сдержанность. В ней было что-то от пушкинской Татьяны: «без взгляда наглого для всех, без притязаний на успех». В стихах последних лет поэта, его жемчужных россыпях, все чаще я находила строки, навеянные ее присутствием.

Ты оставил наследство мне —
Отчество, пряник, зажатый в руке,
И еще — неизбывную едкую память.

Память... Она постоянно в душе поэта. «Вспомнился далекий год: мне 5 лет. Мама на работе весь день, дома — под замком — весь день я и кошка. Дружили здорово. А потом я стал пяти лет ходить в школу. Рядом жила учительница Феонтиса Ивановна (вот запомнилось), она дала мне букварь и тетрадь. Учеником, конечно, не числился, ходил с пропусками, но со всеми вместе научился читать и писать. Кошка прибежала к школе, делили хлеб» [10, 467]. Дитя предвоенных и военных лет хлебнул горяшка.

Писатель Виктор Викторович Будаков встречался с матерью Прасолова в 1988 г., сделал фотографию Веры Ивановны на фоне дома, построенного в росошанском селе Морозовка. Вот его впечатления: «Страдница-мать. Оставленная мужем. Поруганная нашествием» [4, 61]. С фотографии смотрит на нас полноватая, невысокого роста женщина, с круглым славянским лицом, в рабочем халате с рукавами, подвернутыми у запястья. На голове по-крестьянски завязанный темный платок с концами на обнаженной шее. Взгляд спокойный, мягкий, глаза слегка прищурены, они словно всматриваются в собеседника.

Будаков записал трогательные воспоминания Веры Ивановны и передал их в книге «Одинокое сердце поэта», сохранив самобытность ее украинской речи: «Голодували. Бувало, місяцями трава да вода — вся еда. У Алеши ноги отикали от такой еды <...>Добри люды, правда, пособляли выжить <...> Алеша, грех обижаться, гарный помощник був. Правда, кой-колы жалувався: «Мэни ж, мамо, и почитать хочеться». Кныжка ему — и друг, и пидруга...» [4, 32]. Виктор Викторович пишет, что Алексею приходилось и за плугом ходить, и дом (небольшую хатку) строить: прежнюю сожгли немцы. Учась в Росошанском педучилище, юноша разгружал вагоны, чтобы хоть как-то прокормиться. Часть заработанного шла на оплату квартирного угла, часть отдавал матери: надо было выплачивать налоги, душившие после войны крестьянское подворье [4, 39].

Но Алексей продолжал помогать матери и позже. Из письма А.Т. Прасолова от 24 июня 1955 года узнаем: «Насчет денег, пожалуйста, не делайте приписок вроде: ты, может, сердиться, что я прошу у тебя денег, и прочее; если бы я посердился на это, а налог и уплатился сам собой, то, может быть, я только то и делал, что сердился, а так и сам знаю, что нужно и обязательно нужно выслать; но приходится пока туговато, — сколько смог, столько и выслал; соберу еще. Сколько осталось? — я же Вас очень просил, чтобы написали, мне будет видней» [13].

Борьба за выживание объединяла сына и мать, но духовного родства, как считают многие, не было. Отсюда «у поэта прорывается тоска о доме как о духовном пристанище» [18, 44]. Душа стремилась к идеалу, к книге, к которой «тянулся вслепую под ругань даже матери (простим ее совершенную неграмотность)». Прасолов признавался: «Я знаю жизнь — от хлеба, от земли, жизнь без тонкого мышления, страшно (странно для меня) приземленную; но хорошо, что я рано почувствовал, что она — неполная, что есть иная — выше нее» [10, 480]. Алексей Прасолов начинает смотреть на родной дом, на опеку родных, на мать под критическим углом. В стихах прорываются строки, что душа хочет радостей иных. Состояние поэта и связь его с домом и миром глубоко проанализировала Инна Чернышева в книге «Мироздание Алексея Прасолова».

Вера Ивановна Гринева — мать поэта

Духовную связь Алексей Тимофеевич будет ощущать с матерью Инны Ростовцевой Галиной Викторовной. Это ему она писала в тюрьму письма, посылала посылки, позже привечала в своем доме. Галина Викторовна тонко чувствовала стихи Прасолова, порой была первым их читателем. В письме к Инне Ивановне поэт написал: «Будь бы у меня такая мама, я бы вырос иным...» [16, 100]. Позднее Инна Ростовцева публикует письма Прасолова к ее матери. Не берусь их анализировать и обобщать. Мое внимание направлено на Веру Ивановну — мать А. Прасолова. Поэт с горечью признавался: «Из дому — от матери — было одно письмо и все <...> Знаю одно <...> одна муза будет скрашивать мою дикую судьбу» [10, 469].

Но матерей не выбирают. Со временем Прасолов все пристальнее всматривается в родную мать, и постепенно она превращается в поэтический образ матери-крестьянки, вынесшей тяготы войны и послевоенных лет, не сломленной невзгодами и ударами судьбы. Давайте и мы посмотрим на взаимоотношения Веры Ивановны и Алексея, что называется, из первых рук. В архиве жены Алексея Прасолова Р.В. Андреевой-Прасоловой сохранились две открытки, два письма, набросок стихотворения, обращенного к матери, без даты, фотографии первой семьи А.Т. Прасолова и его посмертная.

Алексей Тимофеевич обращается к матери на Вы, согласно украинской традиции. Он (см. письмо от 24 июня 1955 года) подробно описывает прошедший день, события в редакции (в это время поэт работал корректором в газете «Молодой коммунар») и послевоенную обстановку в Воронеже, свои намерения, и создается впечатление, что это важно для матери и она в курсе всех его событий. Алексею интересно с ней общаться, знать ее мнение. А когда он решил связать свою судьбу с женщиной, у которой был маленький ребенок, Вера Ивановна, судя по письму Алексея, живо обсуждала с ним, видимо, нежелательную для нее ситуацию. Алексей пользовался любой возможностью, чтобы написать матери. Когда его сводный брат Иван (сын Веры Ивановны от второго брака) уехал из дома и от него долго не было вестей, Прасолов прислал Вере Ивановне безыскусные строки:

Здравствуйте, мама!
Я посылаю Вам привет,
Здоровья доброго желаю,
И брата — дома он иль нет —
По-братски крепко обнимаю...
Прошу Вас вскоре сообщить:
Мой брат и думает ли дома жить,
Иль вновь собрался в путь опасный?
Я был бы рад, когда бы он
Мне написал собственноручно,
Что, повидавши Тихий Дон,
Жить с Вами будет неразлучно.

(Дата не указана).

После войны Вера Ивановна выйдет в третий раз замуж за инвалида Великой Отечественной войны Алексея Головенко (второй муж Сергей Гринев пропал без вести на войне), и в открытках Алексей будет писать: «Дорогие мама и папа», «Здоровья вам и бате». Тоска по родному отцу выливалась вот в такие трогательные строки.

К образу конкретной женщины-матери поэт шел от обобщенного образа матерей, ждущих с войны своих сыновей:

Да знает мать, коль битва снова грянет,
Ее сыны, поднявшись во весь рост,
Не отдадут врагам на поле брани
Родных полей и вечный свет берез.

(«Давно уж ночь. А матери не спится...» 1951–1952)

В 1963 году Прасолов напишет одно из лучших стихотворений о матери в русской поэзии XX века — «Ладоней темные морщины». Читая эти поэтические строки, мы зримо представляем морщинистые ладони матери, почерневшие от тяжелого крестьянского труда. Поэт находит им сравнение — «как трещины земной коры». Так руки матери превращаются в символ вечности и живительной силы:

Вот руки, что меня учили
Труду и жизни до поры.

Да, такие руки учат «труду и жизни до поры». Метафора «ударил час разлуки», эпитет «тревожная совесть» передают ту силу влияния, что имела мать на сына. Недаром поэт считает:

Во всю мою большую память
Вновь образ матери встает.

Обращением к матери «родная», желанием взглядеться в ее черты, чтобы осмыслить свое глубинное единство с ней, поэт дает нам понять: мать — труженица, «что шьет и моет, что гнется в поле дотемна», становится мерилom совести поэта:

Чертами теплыми, простыми
Без всяких слов, наедине
О человеческой святине
Она пришла напомнить мне.

Это взглядывание в образ матери не будет оставлять поэта до конца дней. Позже в стихах появятся строки об украденной материнской печали, «что вдвойне тяжелей» («Одним окном светился мир ночной...» 1966).

Алексей Прасолов все чаще возвращается к образу матери. И на бумагу ложатся строки — воспоминания о сенокосном долгом дне, о голосе матери, кровоточащих ссадинах на ее руках, о шумном дожде, несущем ощущение ласкового благословения.

Мать,
Невидимый поток
Горней силою заверчен, —
С головы
Сорвет платок,
А с копен моих —
Овершья.
Но под шумом дождевым,
По колено
В душном сене
Я стою, как под твоим
Ласковым благословеньем.

(«Сенокосный долгий день...» 1968)

В стихотворении «Мать наклонилась, но век не коснулась...» (1969) поэт напрямую обращается к матери, подчеркивая свою нерасторжимую связь с ней и вечностью и неизбежный уход.

Видишь ли даль, где играют, стремятся,
Бьются о стены и бьют через край,
Реют, в извилинах темных змеятся
Мысли людские... Дай руку. Прощай.

Инна Чернышева в книге «Мироздание Алексея Прасолова» обращит внимание на то, что поэт скажет о непонимании, которое было между ним и матерью. «Лирический субъект, находясь в родном доме («В глазах струился лунный свет...»), испытывает не радость общения, а чувство вины, на его душе тяжесть: «Прощеньем матери вдвойне / Наказан я...» [18, 44].

К концу жизни Алексей Прасолов переосмысливает свои взаимоотношения с матерью. В дневниковых записях он пишет, что «получил письмо от мамы», что «мать в беспокойстве» за него и сводного брата. В дневнике за 12.X.1965 г. встречаем: «На столе открытка матери — Пушкин Кипренского. Хорошо» [6, 402]. Все, что связано с мамой, хорошо. Все чаще в стихах встречаем слова «мать», «мама». Интересен его взгляд на памятник на Задонском шоссе. Поэт очеловечивает женскую фигуру:

Мать на стеле устало
Кормит грудью дитя.

Поэт словно присутствует при том, как просыпается новая жизнь. Мы знаем, что в момент написания стихотворения у Алексея Прасолова родился сын. И вновь соединяется личное и вечное.

Жизнь проснулась... Какая?
Чья? Пока только вскрик.
А потом будет имя,
И судьба, и твой путь,
Мать руками своими
Подает тебе грудь.
<...>
Пусть рождение — мука,
Эта мука — как тень.

Есть бессонные руки,
Что готовят твой день.

(«Вечный огонь» 1971)

Все чаще, если кто-то произносит слово «мама», у поэта снова рождаются строки — воспоминания о его детских годах, о матери, о доме.

На пустыре обмякла яма,
Наполненная тишиной.
И мне не слышно слово «мама»,
Произнесенное не мной.
Тяжелую я вижу крышу,
Которой нет уже теперь,
И сквозь бомбежку резко слышу,
Как вновь отскакивает дверь.

(«На пустыре обмякла яма...» 1971)

Если ранее в стихах рождались строки об украденной материнской печали, то в повести «Жестокие глаголы» мы словно видим «запавшие, печально-чистые глаза» матери, «лицо, без того измученное жизнью последние дней, таяло, точно теряло кровь», — так описывает Прасолов состояние матери при известии, что в село пришли немцы.

«Прости меня, мама!» — пронзительные слова поэта, как последний вздох. Но разговор с матерью продолжается. За несколько дней до смерти он сообщил жене: «Написал матери то, что говорил тебе. Освобождение, а не приспособление к скверне этой жизни. Здесь хоть кого сломят...» [10, 532]. К сожалению, письмо к Вере Ивановне не сохранилось. Но есть другое, написанное на клочке бумаги в Терновке, ксерокопию которого передал Андреевой-Прасоловой известный журналист, краевед А. Дегтярев через несколько лет после ухода поэта. Почерк дает основание считать, что записка принадлежит перу Алексея Прасолова. Воспроизведу эту ксерокопию.

Мать, в этом буйно-весеннем краю
Я лебединую песню спою.
Много людей я видал и любил,
И ненавидел — и нет моих сил.
Рано я начал и рано уйду,
Знаю, что буду не в райском саду,
Буду лежать в этой черной земле.
Будешь ты плакать в далеком селе.

22.V.69. А. Пр.

Вера Ивановна Гринева (1909–2004) пережила и трагедию сына, и его посмертную славу. Незадолго до смерти, по свидетельству В.В. Будакова, Прасолов сетовал: «Дескать, живет в деревне крестьянка-мать и знать не знает, какой у нее гениальный сын; а узнает лишь тогда, когда он уйдет из жизни» [4, 195]. Слова оказались пророческими.

Вера Ивановна поддерживала связь с первой женой сына Ниной Илларионовной и внуком Сергеем. В меру своих сил и возможностей помогала Раисе Васильевне: маленький внук Михаил порой гостил у нее. Чистоплотная, трудолюбивая, строгая и одновременно заботливая, Вера Ивановна содержала крестьянское хозяйство: обихаживала огород, разводила кур, свиней, коз. На зиму заготавливала не только овощи, но и домашние мясные продукты и щедро делилась ими с родственниками. В

конце двадцатого века она уехала к младшему сыну Ивану Сергеевичу Гриневу на Кубань, где и нашла свое вечное упокоение.

В архиве Андреевой-Прасоловой хранятся редкие фотографии. Всмотримся в лицо женщины, подарившей миру большого поэта, и подростка, полного сил и надежд.

Интересна фотография первой семьи А.Т. Прасолова. На обороте рукой Прасолова написано: «10 августа 1958 года. Россошь. Первое семейное. Фото — натурализация. Но это — близко к действительности. Да здравствует неопытный фотограф! Иначе он сфальшивил бы — приукрасил. Рад».

Зпомним и скорбную фотографию склоненных женских фигур у гроба Алексея Прасолова и замрем на минуту сами перед памятью человека, так хотевшего признания при жизни. Белла Ахмадулина, размышляя о судьбе поэтов, как-то сказала о сложившемся мнении, что поэт — это что-то неустроенное, неблагополучное, мягущееся, страдающее. А.Т. Прасолов своей жизнью подтвердил это. Мать любила и жалела неустроенного сына, а сын передал свою нежность к ней в стихах. Так навечно в поэзии останутся сын и мать: их духовное единство, запечатленное в стихах, никому не разъять.

Письмо А.Т. Прасолова матери

Здравствуйте, дорогая мама! Спасибо за письмо. Я сегодня ходил ловить рыбу. Вы пишете, что дома много работы, а я через день бездельничая и очень жалею, что наш завалившийся погреб находится не в Воронеже, а в Морозовке, — именно этого физического труда мне здесь и не хватает; однако погреб моих рук не минует, Вы пока с ним не возитесь. Досадно, что град побил огород, но, может быть, он отойдет постепенно, — Вы мне погода напишите, пожалуйста, как он поправляется. Итак, пробродил я сегодня полдня на реке Воронеж и поймал одного подлещика, а второй сорвался перед самым носом; попало несколько крупных плотвичек и еще штук 5 бирючков, которых в нашей речке нет, — всего килограмма полтора. В отпуск я иду в половине августа, сначала попаду в Сочи¹, а потом в Морозовку; в Сочи буду недолго.

Насчет денег, пожалуйста, не делайте приписок вроде: ты, может, сердисься, что я прошу у тебя денег, и прочее; если бы я посердился, а налог уплатился сам собой, то тогда я, может быть, только и делал бы, что сердился, а так сам знаю, что нужно и обязательно нужно выслать; но приходится пока туговато, — сколько смог, столько и выслал; соберу еще. Сколько осталось? — я же Вас очень просил, чтобы написали, мне будет видней.

Вчера видел в печатном цехе и у цензора свой отпечатанный, наконец, рассказ²; он займет в книжке двенадцать листов — почти два листа печатных; а печатный и книжный листы — это не одно и то же. Скоро выйдет в свет.

Публикуется впервые. Письмо хранится в личном архиве Р.В. Андреевой-Прасоловой.

¹ Видимо, А.Т. Прасолов намеревался посетить сводного брата Ивана Гринева, который в это время жил в Сочи, но это намерение по какой-то причине не осуществилось.

² Речь идет о первой публикации прозы поэта в журнале «Литературный Воронеж» — рассказе «Друзья» (1955, № 35. — С.187–210).

У нас в редакции беда за бедой: сначала прошло сокращение штатов; недавно посадили шофера: он, будучи пьяным, нахулиганил в одном магазине. < ... >

Вообще в Воронеже каждые сутки гибнет 1–2 человека от финок и несколько человек ограбляются, избиваются и т.д. Тянется это со дня амнистии; подсудимые, обвиняющиеся в убийстве, грабеже, хулиганстве, — вовсе не какие-либо особые личности; часто это рабочие и даже студенты. Но есть и профессионалы — эти попадают реже, но они руководят шайками и втягивают в них всяких молокососов и разную дрянь, которой хватает везде. В городе по ночам ходит патруль от военных частей и от организаций; но он держится более людных мест и в темные переулки не заглядывает. Со мной инцидентов не было, хотя я часто бываю в городе ночью.

Писать много о себе, как Вы просите, я не стану, потому что живу, как и жил, а как — Вы и без того знаете. Самое главное, что Вас интересует и чем я могу Вас успокоить еще раз, то, что я — один³. Но не думайте, что я один потому, что внял Вашему совету и просьбе и совету дяди, — нет. У меня впереди дальняя дорога, и ради нее я все прекратил, как и начал, — сразу. А что за дорога и когда я отправлюсь по ней, пока говорить не стоит, потому что рано и все надо обдумать и решить. Главное — есть дорога, а это уже цель.

От Вани еще нет ответа. Кончаю. Сегодня я так расписался. Сие понадобится не менее получаса, чтобы прочитать. Я ей очень благодарен за письма от Вас. Передавайте ей теплый привет.

До свиданья. Желаю доброго здоровья, мама.

Ваш сын Алексей.

24/VI — 55 г.
г. Воронеж

ВО ИМЯ ТВОЕ

У меня в руках сборник стихов Алексея Прасолова «Во имя твое» — последнее прижизненное издание поэта 1971 года со словами «*Р. Андреевой посвящаю*» и эпиграфом:

Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть...

Строки М. Лермонтова, с одной стороны, как бы подчеркивают мягкость чувств к конкретной женщине, но с другой — их можно трактовать иначе: «У меня одна пламенная страсть — поэзия». Кстати, большинство исследователей обращает внимание именно на этот смысл эпиграфа. Так, В.М. Акаткин утверждает: «Поистине он знал «одной лишь думы власть»... «Главное событие его стиха — момент прозрения, прорыва к высшей, какой-то надмирной ясности. Он весь в стремлении сбросить оковы обыденности, каждую минуту жизни он хотел бы сделать волнующей, творческой, наполненной высоким смыслом бытия» [1, 542–543]. С этим трудно поспорить, да и не нужно. Но существует посвящение, давшееся поэту мучительно, исподволь. И само название книги Алексея Прасолова «Во имя твое» таит некую интригу. Надо сказать, что Прасо-

³ Судя по содержанию еще одного письма Алексея Прасолова матери, в Воронеже он хотел жениться на женщине с ребенком, что Вера Ивановна не одобряла.

лов постоянно искал женщину, кому мог произнести: «Во имя твое». Так, в его архиве хранится фотография Инны Ивановны Ростовцевой. На обороте рукой Алексея Тимофеевича написано: «Инна Ростовцева. 1965 г. Поездка в Ростов-на-Дону». И добавлено: «Во имя твое... Да святится имя твое... декабрь 1969 г.». После разрыва с ней душа болела и жила памятью.

Вот почему, когда Прасолов стал готовить сборник к изданию и упрекать Раису Васильевну в том, что она весьма сдержанно приняла его посвящение, ей пришлось ему написать: «Страшно повторяться в стихах, в поэзии, но не менее страшно и в реальной жизни. Теперь ты ча-сто говоришь: во имя твое. А кому ты сказал это впервые? Прошло время — женщина ушла, постучалась вторая, третья... Что это? Щедрость? Нет. <...> «Во имя твое» — твой идеал, та, что ты мечтал встретить как цельное, а находил по частям. «Во имя твое» — стремление к совершенству, гармонии, свойственное человеку думающему. А гармония, что горизонт, она не имеет предметного олицетворения. Совершенство — на языке математики — величина, предел которой бесконечность. И хорошо. Иначе, как же расти человеку, к чему тянуться. Пока его в какой-то степени удастся воплотить только гениям, и то не в себе самих, как представителей рода человеческого, а в своих творениях. Поэтому не тверди без надобности — «Во имя твое» [3]. Так бескомпромиссно заканчивается это письмо. Добавим от себя, что о фотографии И. Ростовцевой и надписи на ней Раиса Васильевна узнает уже после смерти мужа.

Алексей Прасолов, получив письмо жены, переосмысливает его и дополняет: «...печаль мужчины вечна. И он всю жизнь — самых разных — сливает в одну — не Еву, а в Лилит! — и шепчет: Во имя твое... Разве можно упрекать его в этой печали? Разве можно так кощунственно требовать от него слова, имени ЕЁ, совершенно ничего общего не имеющего с именами и душами всех или большинства (а может, меньшинства?) Женщин, из которых (из всех вместе, как из Мужчин) не сложил бы Идеала, оставив его бесконечной — почти математической — величиной?» [10, 521–522]. Несмотря на сопротивление Раисы Васильевны, Прасолов оставляет посвящение именно ей. И настаивает на некоем Идеале, который недостижим: «Мне с тобой не уютно, наоборот, я все время с тобой на сквозняках, оттого так свежо в моей жизни» [10, 515].

Раисе Васильевне чужда малейшая фальшь. Она сдержанна и самодостаточна: «Я совсем не собираюсь занять какое-то место в твоей поэме, быть разделенной на поэтическую и реальную и жить в страхе: ах, как бы не раздвоиться. Хорошо сказал в свое время Бетховен: «Я есть тот, кто есть» (из письма от 14 декабря 1970 г.).

Кто же есть наша героиня? В «Воронежской историко-культурной энциклопедии» ее представляют как вдову А.Т. Прасолова, публикатора его текстов и составителя его книг. Но ее роль значительно шире. Об этом пишет Анатолий Жигулин в своих дневниках за 1983 год. И по мнению Владимира Колобова, автора книги «Читая дневники поэта...», встреча Андреевой с Прасоловым «словно луч света для поэта» [5, 170]. Это чувство чистоты и света передается читателю в стихотворении «В час, как дождик короткий и празднично чистый...», которое сегодня включено в подборку поэта.

Алексей Прасолов и Раиса Андреева

Раиса Васильевна Андреева вышла замуж за Алексея Прасолова 10 апреля 1970 года, сама того не понимая, какую ношу взвалила на свои плечи. Ей чуть меньше 22 лет, ему около 40. У Прасолова позади тяжелый развод с первой женой Ниной Илларионовной Лукьяновой, мучительный разрыв с Инной Ивановной Ростовцевой, близким другом и критиком. Это ей в августе 1965 года Алексей писал: «Инь мой, жена моя, чертенок мой, любимая!..» [16, 474] и горько сознавал, что 1966 год «вывернул их наизнанку, растоптал все, что тлело живого, что грело душу» [16, 521].

Где познакомились Раиса Васильевна и Алексей Тимофеевич? С 1 августа 1968-го по 28 апреля 1972 года она работала в районной газете «За коммунистический труд» в поселке Хохольский Воронежской области, Алексей Прасолов — там же с 1 сентября 1969-го по 27 мая 1971 года. Виктор Будаков тактично и бережно передает атмосферу их сближения: «Рабочие столы сотрудников Раи Андреевой и Алексея Прасолова оказались почти рядом. «Вдруг» — характерное для прасоловского мира. Здесь же — «все произойдет не вдруг»... а как бы прорастая, восходя, день за днем, исподволь и всерьез» [4, 159]. Половодье, заставшее их однажды в командировке в придонском селе Гремячье, превратится в половодье чувств.

И с горы мы увидели это:
Островки отрешенной земли
И разлив, как внезапный край света, —
Вот куда мы с тобой добрались...

Эти кем-то забытые сходни —
Для шагов осторожных твоих, —
Так всходи и забудь, что сегодня
Слишком много дано на двоих.

(«И с горы мы увидели это...» 1970)

С одной стороны, мужчина, у которого душа что выжженная пустыня, с другой — восторженная деревенская девушка, которая любит поэзию, знает наизусть столько, что может часами читать без перерыва, сама

украдкой пишет стихи. Встретив настоящего поэта, она была покорена необычностью и масштабом его личности. Алексей же, кто «насмехался над жизнью», кто «цепляться за чью-то более чистую душу, чтобы расшевелить свою», считал недостойным [16, 115], вдруг (все-таки вдруг!) ощутил «свое, родное, однородное» — и замер, на какое-то время почувствовав себя счастливым.

Вообще хотелось бы чуть подробнее остановиться на хохольском периоде жизни поэта. Так сложилось, что в этом месте рядом с ним оказались люди по-своему неординарные. Редактор Вадим Владимирович Кордов с самого прибытия на новую должность стремился создать в небольшом журналистском коллективе атмосферу не только творческую, но и дружескую. И это ему удалось. По словам Р.В. Андреевой-Прасоловой, «разборки» на редакционных «летучках» напоминали деликатный спор умных, образованных, интеллигентных людей. Всегда уместны были и юмор, и мягкая ирония, и принципиальная профессиональная оценка успехов и неудач. А каждый понедельник все с нетерпением ждали возвращения после выходных Александра Тихоновича Смирнова и Алексея Егоровича Тишанинова — от них узнавали культурные новости Воронежа. Это было для всех, не исключая Алексея Тимофеевича, как глоток свежего воздуха. Ему было с кем общаться на таком уровне, которого подчас не находил и в воронежской писательской среде. И самое главное, он прекрасно понимал, что здесь знают истинную цену его поэтическому таланту.

Свои воспоминания о хохольских временах оставил Александр Тихонович Смирнов, или, как называли его в редакции, — «Тихныч». Его глазами мы видим «ладного крепкого мужичка невысокого роста». «Что запомнилось внешне? Его открытая улыбка. И почему-то костюм. Старенький, в мелкую клетку. Отутюженный, очень аккуратно подштопанный. И Прасолов — энергичный такой мужик, азартно жестикулирующий во время разговора, словно подтверждающий свое слово жестом. Весь в смехе. Круглолицый. Потом, уже позже, разгляжу дюжий лоб козырьком. Так и казалось, когда наклонял свою лобастую голову, будто козырек на глаза надвигает. И, конечно же, непременный его берет» [17, 42].

Рая же для всех была «Раечкой, славной». Приведу еще один отрывок из воспоминаний Смирнова: «Я профилонил редакционный субботник. Смотался в большой город на выходные. Редактору же клятвенно пообещал отработать «свою долю» в свободное от работы время. С тем и уехал.

«Доля» оказалась такая: приблизительно десять метров штакетного забора вокруг редакции. Плюс посадка дерева.

Дерево я посадил в понедельник после рабочего дня. Со штакетником получилось хуже. Стал прибывать жердочки на глаз, и такая «волна» пошла, такой «девятый вал» покатился, что еще не ушедшие после службы коллеги за бока хватались от смеха, глядя из редакционных окон на мои потуги.

Я злился, а редакционный домик, составленный когда-то из двух щитовых, разве что не трясся от их утробного смеха.

Первым не выдержал моего дикого надругательства над плотницким искусством Алексей Тимофеевич. Вышел ко мне с хмурым лицом. (На меня ребята обиделись за «смыв» с субботника. И Прасолов, разумеется.)

— Сходи в типографию за шнуром. Надо же по уму делать, а не зад-

ницей. Иди, пока я твои «художества» отбивать буду. Дай только молоток и топор!

Сложил я «оружие» перед ним и поплелся в типографию, благо та была в двух шагах. Вернулся быстро. Рядом с Алешей уже всюю трудилась его молодая жена Раечка Андреева. Алексей по-прежнему был мрачен. Рая же без смеха не могла смотреть ни на штaketник, ни на меня. Я не выдержал и тоже начал хохотать.

Алексей было махнул рукой сердито и досадливо, но улыбка и его поборола.

Отсмеявшись до слез, мы начали орудовать. Алексей — на основных работах, мы со славной Раей — на вспомогательных. Полезли из редакции «добровольцы», но, кроме моего закадычного друга Алеши Тишанинова, прочие были отвергнуты.

Наверное, Алексею Тимофеевичу стало жалко меня, когда я один, стуча себе по пальцам, вкривь и вкось строил эту «демаркационную линию». Хохочущих надо мной оказалось и без него достаточно. Вот он вышел на подмогу, добрый человек.

А потом, почти в сумерках, с примкнувшим Тишаниновым пошли мы вместе к Прасоловым на их съемную квартирку в гости. Есть жареную картошку. Это были первые опыты Раисы как молодой хозяйки в области кулинарии.

Картошка Рае удалась. Но больше всех этому радовался Алексей Тимофеевич, то и дело спрашивавший едоков:

— Ну, как картошечка по качеству?

— Лучше моего штaketника, — честно признался я. И все мы дружно засмеялись.

Вообще Алексей Тимофеевич посмеяться любил. И улыбка ему необычайно шла.

На фотографиях в сборниках стихов он был серьезен. А в жизни я больше запомнил его улыбающимся и смеющимся» [17, 44–45].

В дневнике от 4 июня 1970 года Прасолов пишет о своем состоянии: «<...> душа какая-то притихшая, как опустелый дом...» Что так смутило поэта? Он пытается понять свою молодую жену. «Снова перечитал ее дневник... Неужели она и сейчас та же, что в этих записях? Неужели это проблеск, один-единственный в жизни ее? А теперь — обыденное существо, как все? Неужели эти стихи вперемежку с ахматовскими — ее стихи? Где она теперь — эта? Спряталась, чтобы сохраниться, или исчезла, как подснежники, которые мы сажали. Не дай бог <...> Ничего ее, даже книг, не хочется трогать.

Ведь для меня она еще не жена, дай бог, чтобы и я для нее подольше не был мужем. Иначе нас, тех, кого мы видели и чувствовали друг в друге, не будет. <...> Мучаюсь, когда несчастлив, мучаюсь, когда счастлив, только по-разному, но все не сладко» [6, 424].

Что так настаораживает Алексея? Почему на несомненное ощущение счастья накладывается печаль? Он боится «обыденности» своей жены. Многие объясняет письмо от 4 декабря 1970 года, в котором Алексей отмечает обыкновенность желаний жены, общих для ее сверстников: «...тут и поиск людей, и поиск дела в жизни, и поиск обыкновенной любви» [10, 513] — и ее «необыкновенность» — неповторимую индивидуальность.

«Ты шла с ними <сверстниками> — уходя от них, и не в сторону, а — спеша вперед и проникая глубже, чем они. Поэтому ты во многом отста-

вала от них, но только — во внешнем, даже в своей нелюдности, в одежде, в своих житейских запросах и т. д.» [10, 513].

При всей кажущейся незаметности Раи Алексей Тимофеевич отмечает «очень необщие духовные качества» своей жены, чья душа («страшно беззащитная») шла родственным ему путем. «Все остальное стало вершиться силой этой родственности» [10, 514]. Алексей понимает: то ощущение счастья, которое внутри молодой женщины, она находит в людях и книгах. Восторженная девушка искала интересных людей в жизни (вот почему пошла в журналисты). «Ты жадно дышала этим счастьем, забывая, что есть между людьми и книгами беспощадно разделяющий, беспощадно единящий их распорядитель — обыденщина. И — ты часто убегаешь от нее — то к людям, если были под рукой хоть чуть сносные, то к книгам — в мир, равный по высоте миру Маленького Принца» [10, 513]. «<...> мы не можем друг без друга», — признается поэт и тут же добавляет: «Душный уют я разгромил сразу же, едва лишь он посягнул на мое сущее, требуя как бы оплаты за удобство, которым одарил якобы меня. В этом его гибель — я щадить не умею то, что требует такой же заслуженной им платы. Я не могу щадить того, что (или кто) пытается приобщить меня к жизни...» [10, 515].

И ее Величество жизнь диктует свои законы. Рая вынуждена уехать к родителям в Тамбовскую область: беременность протекала тяжело, своего постоянного угла для проживания не было. Вот как об этом написал Владимир Колобов: «Счастье семейной жизни угнетает неустроенный быт. Молодая семья снимает угол в старом доме. Русская печь почти не греет. Копоть. Дым. Того и гляди, что угоришь до смерти» [5, 171].

Была и еще одна причина ее отъезда. Раиса Васильевна вспоминает: «Мы поженились в апреле, а в июне у меня началась сессия в ВГУ, и я уехала в Воронеж. В это время его навестили знакомые писатели, и не обошлось без застолья. Болезнь вернулась. Приехав, я сразу заметила, что Алексей стал каким-то другим. Мы взяли отпуск и решили поехать в Ленинград, в этом городе оба не были ни разу, и все повторяли: «Мы поедим в Ленинград, как я рада, как я рад». В Воронеже он отлучился на некоторое время, и после этого с ним стало происходить что-то странное: он куда-то бежал, кричал, все на нас оглядывались. Я не могла его остановить. Мы поселились в гостинице «Россия». Это была страшная ночь для нас обоих...

Я уехала сначала к матери своей подруги, затем, несколько успокоившись, — к родителям. Алексей лечился в больнице. Потом мы вернулись в Хохол, работали в одной редакции. Оба понимали, что в наших отношениях разрушено непоправимо, может быть, самое главное. Но пытались держаться друг за друга. В октябре за мной приехал мой отец и забрал меня домой. Роды предстояли в декабре. Гораздо позднее Саша Смирнов, узнав обо всем этом, сказал слова, которые многое мне объяснили: «Талант ему дан от Бога, а ходит он по грешной земле».

Лаконично их общую боль Прасолов передает в стихах, ощущая, что находится «на грани счастья и беды». В стихотворении «Торжествует ночное отчаянье...» мы словно присутствуем при разделении родственных душ.

Торжествует ночное отчаянье,
До утра обеззвучив слова,
Не одно у нас даже молчание,
А стеной разделенные — два.

Сжало губы, как смертнoу клятвoу,
Налегло тяжело и черно,
Хорошо, что разорвано надвое, —
Может, проговорится оно!

Из Хохла Прасолов пишет: «Скоро, может, к весне — я уйду отсюда. Дело — за квартирой. Нам с тобой здесь не век быть. Роди только благополучно да возвращайся в свой час. Очень прошу тебя — берегись, особенно в эти последние дни. <...> Я с тобой, родная...» [10, 511]. В очередном письме: «<...> Я страшно не на своем месте — я не возле тебя, не возле вас...» [10, 515].

Переписка, дневниковые записи раскрывают необыкновенность духовного мира двух столь разных и таких похожих людей, их будущую трагедию. Чистота души, наивность, доверчивость к жизни, внутренний стержень, прямота молодой женщины вызывают закономерное желание поэта: «Как хорошо было бы, если бы ты толкала меня тем, что шла бы где-нибудь чуть впереди меня в чем-то. Но это вечная печаль мужчины, которому надо самому быть впереди — и вести Женщину, защищать ее от Зверя и человека, такого же, как он» [10, 521]. Напомню, Рая ждет ребенка. До его рождения остается пять дней. Именно в это время Прасолов настаивает, чтобы жена определилась с целью жизни, что дало бы устойчивость их отношениям, ибо его цель ему ясна и понятна: «Самое действенное, что мне дано, — поэзия, то есть единство инстинкта, чувства, мысли, слова и всех пригодных для них средств, обостряющих и закрепляющих их в моем цельном — Я» [10, 515]. «Тебе предстоит родить ребенка, после чего ты встанешь перед неизбежным решением: какое место займет в тебе твоя цель. И станет ясной необходимостью четкой цели или исключения этой цели, заслоненной всем, что день ото дня все больше делает тебя женщиной, матерью» [10, 515]. Прасолов как бы ставит жену перед выбором: служение ему, его поэзии или будущему ребенку.

Письмо Раи Андреевой от 15 декабря 1970 года: «А вчера я видела сон. На скамеечке в саду — трое детей — два мальчика и девочка. Подхожу я к ним и одного беру на руки — мальчика — и куда-то несу. Сначала ничего — потом вдруг, как молния, мысль — это же мой, мой сын, мой мальчик. Господи! Как я обрадовалась! Прижала его к себе, точно боялась — отнимут, и бегу, бегу, уж и сил нет. Упала. Испугалась. Не ушибсь ли? Гляжу на него, а он серьезный — глаза твои, а сам такой милый, толстенький. Вижу — кто-то руки протянул, помочь мне хочет, взять его, а я не даю, так и иду, иду...» И далее обжигающая приписка: «Спросишь, чем живу»? — Ожиданием. Мои руки, губы, груди — все ждет его, все готово к его встрече». (Сын родился 26 декабря 1970 года.)

Прасолов углублен в себя. Он не слышит, что чувствует жена. Лишь позднее появятся его строки: «И только сына, только сына, / Закрыв глаза, не урони, / Не передай в чужие руки...» А тогда он пишет те самые слова: «Как хорошо было бы, если бы ты толкала меня тем, что шла бы где-нибудь чуть впереди меня в чем-то...»

Итак, в центре мироздания Прасолова — его поэтическое Я, в центре мироздания Андреевой-Прасоловой — судьба будущего ребенка. А здесь необходимы и душевное спокойствие, и тепло семейного очага, и «душный уют», который Прасолов громил, едва тот посягал на его сущее. За пять дней до рождения сына поэт написал: «Спасибо, что ты — такая» [10, 519]. И еще: «Я рад, что судьба дала мне тебя — страшно слабую, потому

что прекрасное — тонко, сильно по природе своего духа. Иначе исчерпала бы меня в один вечер — я тебя, если бы мы не были в этом родственниками — сестра не по крови (я сразу понял это, даже когда полушутя писал тебе на книге). А сестра не по крови — это только Любовь, а не одно лишь духовное родство... Это то, о чем, умирая, ты скажешь жизни: спасибо, я знала истинную любовь, а потому, быть может, и проклинаю тебя, жизнь, — проклинаю — благодаря: слишком много уносит настоящее, порою больше, чем дает. В этой несоразмерности — драгоценность Жизни» [10, 521].

Размышляя о судьбе Алексея Прасолова, В.И. Гусев пытался понять, чего был лишен поэт при жизни. «Оказалось, нужен был кто-то, кто посвятил бы Прасолову-поэту всю жизнь, всю свою судьбу, — такого человека не было» [5, 177]. Раиса Васильевна могла стать поводырем поэта, его нянькой, его матерью и его Лилит. Жертвенность Андреевой известна, но она уже служила новой, рожденной жизни — их сыну. Соединить в себе обе эти ипостаси оказалось выше ее душевных сил. Может быть, и потому, что она появилась в жизни Алексея Прасолова слишком поздно, когда вряд ли что-то можно было поправить, и она не знала, как и чем ему помочь, хотя и пыталась это делать.

Понять состояние молодой женщины мне помог Иоанн Крестьянкин, который размышлял о роли матери. Раиса Васильевна интуитивно почувствовала истинное назначение женщины, ее миссию, ее богатство, «Богом благословенное назначение — родительницы и воспитательницы...»

Мудрость, такт, чуткость, отказ от привычных проявлений себя — в этом море новых для себя ощущений и переживаний Андреева-Прасолова сама нуждалась в понимании и помощи, но их со стороны Алексея Тимофеевича не было.

Если охарактеризовать 1970 год — год 40-летия Прасолова, то он проходит под знаком изучения духовного мира своей жены. Поэт все больше находит точки соприкосновения: одинаково любят Бетховена, поэзию Лорки, Лермонтова. Обмениваются в письмах впечатлениями. Но забег слишком быстр. «Никак не могу представить тебя матерью — все, что я знаю о тебе и о Нем, так реально, как и призрачно...» [10, 523].

Забота о сыне — забота Раи. Едва малышу исполнилось три месяца, она пошла работать сельским почтальоном. Рассчитывать на материальную поддержку мужа не приходилось: он в это время отдыхал и лечился в санатории (на этом настояла Р.В. Андреева-Прасолова). Один раз он приедет к сыну, побудет с ним три дня и уедет в Воронеж, где необходимо было обустроить быт, к чему не было никакого стремления и желания. Смирение и терпение, которыми в избытке наделена Раиса Васильевна, были Прасолову неведомы. В.В. Будаков с щемящей болью и с какой-то пронзительностью мыслей и чувств напишет: «<...> семья как триединство отца, матери и дитяти едва образовалась, а над ней уже повеяло холодком распада. Замаячила тень уходящего одинокого. Одинокий мужественен и безжалостен: ему не дано утешать или же он не хочет утешать, в милосердии поступаясь истиной. Истину и гуманизм не срассить. Правда выше всякого утешительства и даже — выше любви?» [4, 172–173].

Последние два года жизни поэта в духовном плане словно раскаленная лава. «...Лава вдохновенья! Клокочет на груди моей!» — слова М. Лермонтова ложатся на творчество Алексея Прасолова. Именно в это время Прасолов испытывает ощущение, что его «захлестывает девятый вал»

поэзии. Поэт признается: «Я чувствую вот что: стихи стали требовать от меня действия, полной отдачи моей души... Чувствую, что начал говорить сердцем» [10, 527]. «Я только начался всерьез: старости у меня не будет, внутренней, с меня хватит зрелости...» [10, 528]. «Я учусь естественности поэтической речи, которая не терпит долгой задержки под пером, ибо остывает, пока холодный ум правит чувство... Слово должно выбирать чувство, а не рассудок» [10, 519]. «Мне нужно бодрствовать и работать — умственно и физически. Знаешь, как это здорово сочетается. Работа — в руках, стихи — в голове, урывками — на бумагу» [10, 522]. «А во мне — трагедия: хожу и разговариваю нутром — и умышленно не пишу. Так — нельзя. Придет тот час» [10, 529].

О духовной близости двух талантливых людей говорит такой случай. В письме от 14 декабря 1970 года Андреева пишет Прасолову, что очень жалеет, что не взяла с собой в деревню пластинку с «Лунной сонатой» Бетховена: «Я тоскую по ней, очень хотела бы послушать ее, особенно сейчас. Для меня она не просто чудная гармония звуков, а гораздо больше — пусть несколько мгновений, но удивительно прекрасной жизни. Музыка! Что ты делаешь, музыка? И зачем ты делаешь то, что делаешь?» [2].

В ответном письме от 20 декабря 1970 года Прасолов рассказывает, что был в Союзе писателей на Бетховенском вечере, что слушал дирижера Николаевского из филармонии и много общего открыл в восприятии сонат композитора: «Отдохнул немного — и за стихи, с утра прорвало и пошло. Бетховен со мной, хотя пишу не о нем...» [10, 520].

И вот таких ниточек, завязанных в поэтическое кружево, рассыпано по стихам Прасолова множество. Попытки понять «жену — не жену», затем мать своего ребенка и сына выливаются в поэтические строки. «Памятник с вечным огнем — возле дома, в двух шагах. Часто ходил туда ночью. Написал стихи. Живу же здесь, как в эмиграции: людей много, но все — по себе» [10, 530].

И вспоминаются поэту материнские руки. Жизнь повторяется, жизнь продолжается: «бессонные руки» уже другой матери готовят день новой жизни. Появляется стихотворение «Сыну».

Тебе, кого я в мире жду,
Как неоткрытую Звезду
Ждет днем и ночью Человек,
Уже забыв, который век.
Коснулся воспаленных век
Уже не слыша, плач иль смех,
Уже не зная, дождь иль снег,
Уже не помня тех имен,
Что для Звезды придумал он,
Уже — ни молодость, ни старость,
Уже светил круговорот
В глазах пошел наоборот,
И Человеку показалось,
Когда свой взгляд он устремил
На небо, — не Звезда рождалась,
Рождался заново весь Мир.

(«Сыну». 1971)

Сын для Прасолова — «как неоткрытая Звезда», и с его рождением «рождался заново весь Мир». Вот почему, сознавая свое неизбежное одиночество, свое стремление быть «наедине с собой», он обрекает мать сво-

его ребенка на еще большее одиночество, фактически исключая ее из своей жизни, хотя и не желая ей беды.

В стихотворении «Наедине с собой останусь...» Прасолов осознает, что тоже должен научиться жертвовать, но он к этому не готов. Он оставляет за собой право жить свободно, ни о ком и ни о чем не заботясь, ибо это отвлекает его от основного в его жизни — поэзии. Вот почему жестко и безжалостно он произносит: «Сгинь». Поэт делает для себя выбор, но делает его и Раиса Васильевна. Слова А.Т. Прасолова как заклинание: «И только сына, только сына, / Закрыв глаза, не урони, / Не передай в чужие руки...», — станут той самой силой, что убережет Раису Васильевну от отчаяния.

Стихи последних лет жизни Алексея Прасолова во многом навеяны образом Раисы Васильевны Андреевой-Прасоловой и посвящены ей: «Померк закат, угасла нежность...», «И с горы мы увидели это...», «Замученные свесились цветы...», «Торжествует ночное отчаянье...», «В тяжких волнах наружного гула...», «В час, как дождик короткий и празднично чистый...», «Наедине с собой останусь...», «Если ко мне ты захочешь...», «Я губ твоих не потревожу...»

Поэма «Последняя встреча» (1971) пронизана памятью об И.И. Ростовцевой и зарождением нового чувства к Р.В. Андреевой. Прошли годы, и вновь чьи-то глаза «вышли» на его «живой и щедрый» огонь тоже в поисках тепла:

Не ты ль понять мне помогла
(Как я твои не смог вначале)
Глаза, что, в поисках тепла,
Мне вновь открылись одичало!..

«Прости» в стихотворении — это и просьба о прощении за прошлое, и мольба о прощении за настоящее.

Прости, и пусть, как чистый день,
Мой благодарный вздох и радость
Вдохнет раскрытая сирень
За домовитую оградой.

Но огонь его любви играл «своею силой» — «ему не надо было греться», он не нуждался в привычном человеческом тепле.

Умышленно отстраняясь от настоящего, Алексей Прасолов начинает более обостренно чувствовать кровное родство со своими предками:

А голос в пространстве вечернем,
Какою-то силой гоним,
Метался, — огромный, пещерный,
Несходный с ничтожным моим.
И бездна предстала иною:
Я чувствовал близость светил,
Но голос, исторгнутый мною,
Он к предкам моим восходил.

(«В ковше неотгруженный щебень...» 1970)

После накала поэтических страстей Прасолову хочется признания: «Ездил по районам, выступал. Вижу, что мое людям очень нужно» [10, 530]. Но ему этого недостаточно. «С печатанием все трудней: злота дня меняется, а я остаюсь собой...» [10, 529]. Он ищет одобрения у коллег по перу, у людей, стоящих у власти, и рождаются полные отчаяния строки:

«Нужен ли уже я?.. душе некуда деться», «Моя никчемность на свете настолько осознана...», «Гадко мое положение, не слаще — и твое. И это на всю жизнь? Видно, в основном — да» [10, 530–531].

«Всесожигающий огонь» клокочет в груди Прасолова. Казалось бы, все начинает складываться. Родился сын. Получил квартиру. Издан сборник стихов «Во имя твое». Но болезнь, больница, отсутствие работы, а следовательно, безденежье... Все чаще в письмах звучат слова: «Устал я, Рая».

Маленькая, хрупкая, такая слабая сильная женщина, борющаяся за здоровье сына, еще не оправившаяся после родов, противостоит унынию и отчаянию Алексея. Она пишет письма, приводит в пример роман Э. Хемингуэя «Старик и море». На что Прасолов отвечает: «Да, человека нельзя победить. Но зато можно убить...» [10, 532]. Силы неравны. Если в 1965 году он писал Инне Ростовцевой: «Не смотри и не думай, что беда затаилась во мне и ждет часа — вырваться. Я знаю — что было. Я знаю — как было. Я знаю — почему было. Я уже не загадка» [16, 482], то теперь, вырвавшись с безудержной силой, болезнь (а алкоголизм — страшная болезнь) стала рушить все, и главное — волю к жизни. Если в письме от 12 марта 1966 года он писал: «Так хочется жить...», то в конце 1971-го пришло страшное отчаяние — осознание своей никчемности.

Алексей все для себя решил. «Не тоскуй о том, у кого одна-единственная дорога. Как судьба. Твоя связана со всеми, кто помогает выжить. Моя — иная» [10, 532]. «Ждать мне нечего, торопиться тоже некуда — пусть все идет своим чередом — ни помогать, ни мешать не надо. Ты же не должна быть причастна ко всему этому...» [10, 532].

В 23 года Раиса Васильевна Андреева-Прасолова — вдова с годовалым сыном на руках. Кто может передать муки, страдания молодой женщины, беспримерное мужество в воспитании сына, самоотверженное служение по увековечиванию памяти поэта?.. Когда-то Алексей Прасолов ждал от нее жертвы. Что ж, так сложилось, что вся жизнь Р.В. Андреевой-Прасоловой — это жертвоприношение. Она по праву может сказать: «Все, что я делала, я сделала *во имя твое*».

ПОСЛЕСЛОВИЕ. СОВРЕМЕННОКИ О ПРАСОЛОВЕ

*Уйду — и всю молву людскую —
Какая б ни была — приму.*

Алексей Прасолов

Молва людская... Ее не избежать любому человеку, тем более выдающемуся. А.Т. Прасолов в статье «О Есенине вслух» коснулся «душевных тайников» поэта. Так и мы, любящие поэзию Прасолова, каждый по-своему, пытаемся постичь его «душевные тайники», мятежный дух и человеческую трагедию. Стоит ли осуждать нас за это?!

«Существует большой корпус сказанного, написанного о поэте учеными-литературоведами, критиками, писателями, поэтами — А. Абрамовым, В. Акаткиным, Л. Аннинским, Вл. Гусевым, А. Жигулиным, В. Кожинным, Ю. Кузнецовым, В. Кулиничевым, С. Риммаром, Н. Банк, В. Скобелевым, В. Семеновым, А. Вольданом, О. Ласунским, А. Поповым,

О. Разводовой... О поэте вспоминают хорошо знавшие его М. Шевченко, И. Татаренко, Е. Новичихин, В. Белов, В. Самойлов, В. Шуваев... Есть большой «венок» памяти — из поэтических строк» [4, 218–219].

Обилие сказанного о поэте побудило Владимира Шуваева написать эпитафию:

Бедный Прасолов Алеша!
Он ушел... Они живут!
Второй раз его, похоже,
«Мемуарами» убьют...
Потому ушел с рассветом,
Что, как водится всегда,
Друга не было и нету
У Поэта никогда.

Свою озабоченность выразил и сам поэт: «Не хочу, чтобы на меня клеветали — на мертвого!» [10, 392].

Идет время. Издана замечательная книга о поэте Виктора Будакова, исследование Инны Чернышевой, статьи Александра Дубровских, книга Петра Чалого... Они деликатно касаются многих аспектов жизни и творчества поэта.

Поэзия Алексея Прасолова живет, ширится круг его почитателей, и все они хотят знать, кто был рядом с ним, какими духовными нитями связаны, как это преломилось в его творчестве. И каждое свидетельство тех, кто знал поэта, кто изучает его наследие, — бесценно.

Приведу некоторые высказывания современников о поэте в надежде, что будет издан сборник статей, разбросанных по разным источникам, которые помогут сохранить в нашей душе целостный образ поэта, ибо, как он сам писал, «правда в равной мере нужна всем живущим» [6, 446].

* * *

Алексей Прасолов — поэт, требующий, чтобы в него серьезно и подолгу вчитывались.

Анатолий Абрамов.

Творчество для него — это озарение новым, это неукротимый огонь, прожигающий оболочку обыденности и соединяющий нас с чудом земного существования.

Виктор Акаткин.

Он аристократ крестьянского рода. Аристократ не манерами, но духовной устремленностью.

Виктор Будаков.

Стихи Алексея Прасолова нельзя читать между делом, для отдыха и развлечения. Их нужно пережить.

Вадим Кожин.

Так будем дорожить теми мгновениями, когда можем прикоснуться к слову А.Т. Прасолова. Прислушаемся к нему, услышим его боль и прощальный призыв:

Может, люди немного
Станут к людям добрей.
Дайте мне на дорогу
Каплю влаги своей.

(«Я умру на рассвете...» 1971).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаткин В.М. Высоким курсом (послесловие) // Алексей Прасолов. «И душу я несу сквозь годы...» — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. — 533–551 с.
2. Андреева-Прасолова Р.В. Письмо А.Т. Прасолову от 14 декабря 1970 г. Из личного архива Р.В. Андреевой-Прасоловой.
3. Андреева-Прасолова Р.В. Письмо А.Т. Прасолову от 15 декабря 1970 г. Из личного архива Р.В. Андреевой-Прасоловой.
4. Будаков В.В. Одинокое сердце поэта. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. — 224 с.
5. Колобов В.В. Читая дневники поэта... (Анатолий Жигулин о времени и о себе). — Тамбов: ООО «Тамбовский полиграфический союз», 2016. — 320 с.
6. Прасолов А.Т. Избранное. Стихотворения. Поэмы. Проза. Дневники. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2010. — 432 с.
7. Прасолов А.Т. Во имя твое. Стихи. — Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1971. — 120 с.
8. Прасолов А.Т. Записка от 22 мая 1969 г. Из личного архива Р.В. Андреевой-Прасоловой (ксерокопия).
9. Прасолов А.Т. Земля и зенит. Стихи. — Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1968. — 72 с.
10. Прасолов А.Т. «И душу я несу сквозь годы...» — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. — 560 с.
11. Прасолов А.Т. На грани тьмы и света. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. — 240 с.
12. Прасолов А.Т. Осенний свет. Стихи. — Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1976. — 132 с.
13. Прасолов А.Т. Письмо к матери от 24 июня 1955г. Из архива Р.В. Андреевой-Прасоловой.
14. Прасолов А.Т. Стихотворения. — М.: «Советская Россия», 1978. — 190 с.
15. Прасолов А.Т. Стихотворения и поэмы. — Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1984. — 384 с.
16. Прасолов А.Т. Я встретил ночь твою. Роман в письмах. — М.: Хроникер, 2003. — 592 с.
17. Смирнов А.Т. Я слова рассыпаю по траве... Сборник. — Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2004. — 136 с.
18. Чернышева И.С. Мироздание Алексея Прасолова. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007. — 208 с.

